

10100111010110100000000111

010110100000000111

0000111

11010011101011010000000111

101001110101101000000111

1000000111

ЛЕВ КЛИОТ

ПЕРЕКРЕСТОК

СУПЕР Издательство

Лев КЛИОТ
Перекресток

«СУПЕР Издательство»

2018

УДК 82-4
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Клиот Л.

Перекресток / Л. Клиот — «СУПЕР Издательство», 2018

ISBN 978-5-950045-49-3

В романе рассказывается о группе талантливых молодых людей, разработавших уникальную компьютерную игру, где каждый может почувствовать себя на месте другого человека, расследовать преступление, погрузиться в удивительные приключения... Игра позволяет задуматься о сложных вопросах выбора, нравственности, о том, что определяет судьбу человека и его будущее. Но как «Перекресток» повлияет на своих создателей?.. Высокие технологии, размышления о вечном и красочное, детальное повествование соседствуют в этой книге, которая придется по вкусу как давним поклонникам творчества Льва Клиота, так и тем, кто только начинает свое знакомство с его произведениями.

УДК 82-4

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-950045-49-3

© Клиот Л., 2018

© СУПЕР Издательство, 2018

Содержание

0x0000	6
0x0001	11
0x0002	18
0x0003	22
0x0004	27
0x0005	29
0x0006	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лев Клиот

Перекресток

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Л. Клиот, 2018

© ООО «СУПЕР Издательство», 2018

* * *

0x0000

Старенький «Фольксваген-Жук» катил по дороге № 383 из Беэр-Шевы в Иерусалим.

В салоне с сиденьями, обтянутыми синей искусственной кожей, в сложных, почти акробатических позах расположилось семь худосочных студенческих тел.

Машина принадлежала Илье Коэну уже год, и за это время он и его друзья исколесили весь Израиль. Невелика страна даже для такой неказистой, слабенькой и маленькой машины, как этот тридцатилетний «Жук»! С выкрашенным в красный металлик кузовом и крыльями серебристого цвета, он, тем не менее, представлял собой очень симпатичную машинку, вполне ухоженную и вполне соответствующую возложенной на нее первоначально задаче: доставлять Илью из общаги университета в учебный кампус. Случилось это счастье – покупка машины – после визита в Израиль его отца. Они вместе проделали сорокапятиминутный путь от университета к общежитию по сорокоградусной жаре, при этом отец снимал это путешествие на редкую в те времена видеокамеру «Hitachi» – большую, с очень хорошим объективом, с полноразмерной VHS кассетой. Он останавливался, иногда возвращался назад для того, чтобы найти лучший для съемки ракурс.

– Ты зря меня не слушаешься, – Илья нес в рюкзаке, перекинутом через плечо, несколько тетрадок и бутылку воды. На правах старожилы он поучал папу: – В Израиле надо все время пить, особенно в Негеве.

Но тот отшучивался:

– Я бывал в местах покруче: в пустынях междуречья Амударья и Сырдарья, иногда без воды приходилось весь день провести – и ничего.

Но когда добрались до общаги, он в полной мере почувствовал, что такое настоящее обезвоживание. После этого он решил купить Илье машину, но попроще, чтобы не вызывать неприязнь и зависть в студенческом сообществе. В те годы машина, принадлежавшая кому-то из обитателей общежития, была редкостью. Но в итоге ни о какой неприязни даже речи не шло: это сообщество с восторженным визгом набивалось в маленький «Жучок», так же как и в тот раз, когда в одну из пятниц они решили прокатиться до «Лифты» – территории давно покинутой людьми арабской деревни у западной окраины Иерусалима – и провести там ночь в палатке у костра.

Ночи к концу ноября становились холодными, и костер разжигали не только ради создания особенной атмосферы единения, такого острого ощущения дружеского локтя, будоражащего сознание, или ради откровений под глоток глинтвейна, приготовленного и сваренного прямо здесь, в котелке над пламенем костра, но и ради элементарного желания согреться. Осенний дождь, который они зацепили из огромной черной тучи, нависшей над Тель-Авивом, сменил бешено-яркое солнце Беэр-Шевы и заливал холодными струями лобовое стекло. Дворники старенького «Жучка» не справлялись со своей задачей, работая с переборами или вовсе замирая на какое-то время.

– Илюха, или мы остановимся и переждем дождь, или ты устроишь нам братскую могилу!

– Типун тебе на язык! – Сергей Игель прикрикнул на Смолкина, зажатого на заднем сидении между приятелями.

Он опустил стекло передней пассажирской дверцы и, высунувшись на полкорпуса, дотянулся резиновым скребком до середины залитого водяной пеленой лобового стекла, очищая его. Он периодически повторял эту операцию, давая водителю возможность следить за дорогой. Обстоятельный парень был Сережа, немногословный, спокойный, на первый взгляд даже медлительный. Но стоило ему на пляже сбросить одежду, при взгляде на его мускулистое, без единой жиринки тело это впечатление у всех пропадало.

Однажды на стоянке перед общагой к Илье подошел парень, грузинский еврей, старшекурсник Гоча Анукаев. С ним были две девчонки, все слегка под кайфом. Парень имел дурную славу и старательно эту славу поддерживал. Ходили слухи, что он был связан с криминалом, имел соответствующую поддержку и от этого вел себя самоуверенно, а в тех случаях, когда ему в чем-то отказывали, – нагло, «с наездом».

– Привет, брателло! У нас машин не хватает, так что ты на своей цветной лайбе едешь с нами в Тель-Авив бухать и еще троих прихватишь. Будет весело, это я тебе обещаю! – так он обратился к Илье, с которым прежде не был знаком.

В ответ на Илюшкино: «Машин не хватает – бери такси, а у нас с ребятами другие планы», – приблизился к нему вплотную и завел привычную песню:

– Да ты знаешь, кто я? Со мной лучше дружить и иногда оказывать услуги, иначе...

На этом «иначе» Илья довольно громко предложил Гоче пойти на известные три буквы. И тогда Анукаев, парень крепкий, на голову выше Илюшки, изобразил что-то вроде кунг-фу, намереваясь, очевидно, нанести осмелившемуся его оскорбить пацану непоправимый физический ущерб. В этот момент удивительным, бесшумным и молниеносным образом между ними возник Сергей, и в ту же секунду Гоча уткнулся в его колени своим большим, загнутым к губам носом. Игель поднял его, похлопал по щекам, приводя в чувство, и тихо прошептал на ухо:

– Уходишь и никогда не возвращаешься!

И Гоча, покорно помотав головой, поплелся в сопровождении ошарашенных девиц в темноту израильской ночи.

Позже, в ответ на настойчивые просьбы друзей объяснить эту ситуацию, Серега рассказал про его высокий ранг в крав-мага, которым он занимался с десятилетнего возраста. Это не спорт, и детей этому не учат, но ему повезло с наставником, его родным дядей. На его майке, которую он изредка надевал, светилась эмблема «инструктор». На нее раньше никто не обращал внимания, а она свидетельствовала об уровне мастерства, сопоставимого с уровнем обладателей «черного пояса» в иных школах боевых искусств.

Когда подъехали к «Лифте», дождь закончился, и экипажу «Жука» удалось без помех разбить две палатки. Руководил этой операцией, вместе с Даником Шевинским и Сергеем Игелем, самый активный из них – Дима Гальперин. Саша Смолкин занимался пиротехникой, надо было разжечь мокрые ветки и несколько припасенных сухих поленьев на еще влажной земле. Две девушки – Ада Вальшонок и подружка Смолкина, Таня Беккер, – распаковали сумки с продуктами: маринованным мясом, овощами, лепешками, хумусом, напитками – и принялись нанизывать пропитанные маринадом куски на шампуры. Игорь Беллер, непререкаемый авторитет в области спиртосодержащих субстанций, колдовал над ингредиентами создаваемого им шедевра – глинтвейна «а-ля Беллер».

Это место, среди брошенных крестьянских лачуг, травы и кустарников по правую сторону дороги на пути из Иерусалима, давно облюбовали бездомные путешественники, хиппи и прочий оторванный люд – этакая вегетарианская фронда цивилизационному порядку. Илья и его друзья посещали «Лифту» не часто, но к этому событию относились с большей серьезно-

стью, чем просто к пикнику. Подкрепляя воображение горячим глинтвейном, высокоинтеллектуальные студии со своими передовыми идеями, предчувствиями необыкновенных открытий, неожиданными, оригинальными, вели разговоры горячо, но как-то так у них сложилось, что галдежа не допускалось и даже выработался некий порядок: они назначали очередность для высказываний каждому из компании. Иногда это были двое или трое подготовившихся рассказчиков, а в этот раз говорил один Илья.

Ада, вытирая руки от щипавшего кожу рассола, поглядывала на Илью, которому, как водителю, проведенному за рулем три часа в сложных метеорологических условиях, позволено было отдохнуть, чем он и воспользовался, надменно взирая на суетившихся друзей из удобного складного кресла.

– Ты сегодня главный вещатель!

Она произнесла это слегка раздраженным тоном, обижаясь на то, что ее взгляды оставались им не замеченными. Активная, спортивная девушка, с недавнего времени она стала уделять Илье повышенное внимание. То возьмется пришивать ему оторвавшуюся пуговицу, то принесет кусок пирога, который научилась выпекать в электрической духовке. Илья эти взгляды подмечал, но его беспокоило то, что Ада нарушала нейтралитет в их сложившемся коллективе молодых мужчин, которые все, как один, были к этой черноволосой и уверенной в себе красоте равнодушны. И потом, в этот вечер у него была другая серьезная задача.

Он собирался рассказать историю, волновавшую его многие годы, и он выработал в своей голове целую теорию, которая должна была произвести на его слушателей впечатление. Нужно было вызвать у них такую реакцию, при которой его идея найдет среди них последователей. Эти ребята, его друзья, студенты отделения программирования Беэр-Шевского университета, – очень умные, может быть, одни из самых умных и подготовленных в этой сфере во всем мире. Тут Илья, понижая пафос собственных мыслей, добавлял: «Разумеется, из множества таких же умников, но, все-таки, всего лишь тысячи находятся на таком уровне проникновения в методологию обучения этим сложным, еще достаточно новым, наукам, всего лишь тысячи из миллиардов людей!». Он понимал, что лучших попутчиков в достижении его амбициозных планов он себе не найдет. Поэтому он так серьезно размышлял о том, как подать свою в общем-то детскую историю и возникшие на ее основе философские идеи для их прикладного использования.

Говорить ему позволили после того, как была съедена первая порция жареного мяса и выпита первая кружка ароматного глинтвейна, заправленного корицей, гвоздикой, апельсиновыми корками и лимоном.

– Настрой нас на тему! К чему приготовить наши распахнутые души? – Смолкин цветисто выразил общее желание услышать что-то захватывающее.

Несмотря на то, что Илюшка был одним из самых ярких фантазеров и мечтателей их дружной команды, за свою устойчивую невозмутимость и классическую европейскую внешность он получил кличку Шведский.

– Это будет история о том, как на своем жизненном пути мы попадаем в ситуации, когда какая-нибудь случайность, погрешность или несоответствие между нашими ожиданиями и реальностью приводят нас к новому ощущению окружающего нас мира. Тогда мы оказываемся на перекрестке со множеством направлений, откуда неожиданно сворачиваем на ту дорогу, о которой не имели прежде никакого представления. И вот этот иной путь меняет нашу жизнь, наше внутреннее мироощущение. Я расскажу эту историю для того, чтобы вы задумались о том, что алгоритм случайных событий можно было бы приручить, создать такую систему, при которой человеку не судьба, а мы и наши программы предлагали бы возможность оказаться на таком перекрестке и сознательно выбирать свою дорогу, а еще лучше – иметь возможность сделать такой выбор несколько раз.

– Мы заинтригованы! Давай, Илюха, про детство.

Смолкин долил в Илюшкину кружку пряного напитка.

Коэн рассказывал, погружаясь в воспоминания, и его отрешенность производила на слушателей магнетическое воздействие.

0x0001

Первый опыт столкновения с «погрешностью» Илья получил в двенадцать лет. Он рассчитал количество пороха, необходимого для того, чтобы отправить стальной шарик, полученный им из разобранного подшипника, на расстояние в сорок метров – как раз до таблички с надписью «ANNO-1933», прикрепленной по центру фасада над окнами второго этажа соседнего деревянного дома. «Крысятник» – так этот покосившийся двухэтажный барак, выкрашенный много лет назад в зеленый цвет, называли жильцы пятиэтажки, на последнем этаже которой жил Илья и его родители.

Над изготовлением своего оружия – медной трубки, завальцованной с одной стороны, с просверленной маленькой дырочкой у этого края для поджига пороха, Илья трудился несколько дней и уже стрелял из него в заброшенном парке на окраине Риги.

Он выменял порох у своего одноклассника Паши Кононова за два беляша, которые должны были оказаться в Илюшкином тощем животе, но порох был важнее обжаренного в кипящем масле теста со спрятанным внутри ароматным, пропитанным специями мясным фаршем. Беляши необыкновенно вкусно готовили азербайджанцы на местном рынке, расположенном ровно на полдороге от школы к дому. Беляшей было жалко, к тому же, полноватый Кононов не стал щадить глотавшего слюнки партнера по сделке и слопал первый из двух прямо на глазах у не успевшего отойти от места размена изобретателя.

Мешочек с порохом, отягощая руку, перевесил физиологические переживания, и Илья почти бегом отправился к сарайчику во дворе своего дома, где, замотанная в тряпку, лежала медная трубка и стальные шарики. Порох Пашка воровал у своего отца, охотника, которому помогал снаряжать патроны мелкой дробью на уток и картечью на кабанов. но дробь принести Илье Пашка отказался. Ему казалось, что порох – это как-то не очень опасно, а вот дробь – это уже почти пуля. Поэтому шарики подшипника, которые достать было намного проще, стали орудием Илюшкиного преступления.

Родители приходили с работы не раньше семи часов вечера, поэтому беляши, по десять копеек штука, были лучшим выходом для того, чтобы не напрягаясь дожидаться ужина. Разогреть то, что мама оставляла ему каждый день на обед, было лень. Но голод не тетка, и в этот раз Илья включил газ и согрел суп в кастрюльке, съел его с куском белого хлеба и сразу же занялся делом.

Он прикрутил к подоконнику тиски и зажал в них трубку с приготовленным зарядом, все по инструкции: порох, прокладка из полиэтиленовой тетрадной обложки, шарик, картонная прокладка, войлочный пыж, вырезанный из старого валенка, – и навел ее на стену «крысятника». Народ там жил бедный, пьющий, и частые громкие скандалы, неприятный затхлый запах из их подъезда, да и нередко проскальзывающая в подвал крыса, подкрепляли обидное прозвище барака.

Выстрел был точно выверен юным, но к своим двенадцати годам очень опытным экспериментатором, почти круглым отличником, лучшим в классе по физике и математике. Он измерил расстояние складным деревянным метром с точностью, как ему казалось, практически лабораторной. Вычислил, учитывая вес «снаряда» и ту меру пороха, которой точно хватало

на преодоление расстояния в сорок метров до намеченной цели – таблички «ANNO-1933», обозначавшей год постройки этого двухэтажного строения.

Но Илья не знал, что один умный парень по фамилии Риман пересмотрел основы теории другого умного парня, Эвклида, и добавил в его прямолинейный мир немного кривизны. Эти ребята жили очень давно, но противоречия их доисторических теорий роковым образом сказались на Илюшкином выстреле в современном, таком понятном, реальном, трехмерном пространстве, ограниченным в этом конкретном случае мишенью в виде деревянной таблички со следами когда-то блестящих четырех цифр.

Порох воспламенился от поднесенного к просверленному в трубке отверстию огонька серной спички, и вылетевший из медного ствола шар пролетел по дуге сорок метров и... пять сантиметров. Чиркнув по самому низу таблички, шарик на излете разбил стекло в окне второго этаже, произведя скандально звенящий звук разлетающихся стекольных осколков. Пять сантиметров, невелика погрешность, но... Возле разрушенного Илюшкиным выстрелом стекла в своей комнате в этот момент находился мужчина – Аркадий Нестеренко. Он держал во рту папиросу «Беломорканал», и неожиданно разбившееся окно не заставило его выкинуть ее, выкуренную лишь до середины.

Аркадий Нестеренко был одет в выцветшую голубую майку и зеленые пижамные штаны. Накануне ему исполнилось шестьдесят четыре года, и он отходил от выпитого с немногочисленными знакомыми напитка, приготовленного им из настоящего на смородине и лимоне спирта, лишь слегка разведенного дистиллированной водой. Он был человеком привычным к стрельбе из тяжелых орудий. В конце войны служил в артиллерийском полку, в батарее 150-миллиметровых гаубиц «Д-1», и жалкий шарик, разбивший окно, не смутил его заскорузлой, повидавшей много всего, души. Другое дело – разбитое стекло. Он не мог позволить себе нанимать для устранения этого безобразия посторонних по двум причинам: первая – хроническое безденежье, вторая – болезненное, на грани фобии, нежелание впускать в свое жилище кого бы то ни было. Этот молчаливый, тяжеловесный в своем отношении с окружающими человек стеснялся своей нищеты. Он был хром. Правую ногу ему раздробил осколок немецкой мины 6 мая 1945 года под Прагой. Тогда, в госпитале, страдая даже не от боли и мыслей о своем инвалидном будущем, а от несправедливости судьбы, щадившей его долгие военные годы, но, словно в насмешку над таким его удивительным везением, наказавшей за три дня до победы, впервые процедил сквозь сжатые зубы: «Дотерплю».

Пригласить в гости женщину, или просто посидеть с ней возле дома на лавочке, или, к примеру, зайти с ней в столовую, он позволить себе не мог. Да и выглядел он совсем не кавалером. Застиранная майка, мятые штаны, сандалии на босу ногу, клюка и хромота делали его, как ему казалось, просто каким-то Квазимодой, о котором он слышал на войне от лейтенанта, молодого парня, образованного, симпатичного. Он рассказывал в минуты затишья, наверное, чтобы понравиться своим солдатам, многие из которых были значительно его старше, разные истории о событиях, происходивших когда-то в городах и селах тех стран, которые они освобождали, продвигаясь вглубь Европы. И хоть во Францию они не попали, рассказ про Собор Парижской Богоматери и его хранителя Квазимодо запомнился Аркадию навсегда, и дело было не только в рассказанной молодым лейтенантом трагической судьбе горбуна, а в том, что утром следующего дня лейтенанта убили. Пуля прошла сквозь сердце, но он какое-то время был в сознании и смотрел удивленными голубыми глазами на окруживших его однополчан. Он так и умер на руках у солдат, не успевших донести его до палаток с красным крестом.

Аркадий заметил, из какого окна пятиэтажки стреляли, и, как был в майке и шлепанцах, так и выскочил во двор, размахивая зажатой в правой руке палкой. Он грозно прокричал в направлении Илюшкиного окна, используя выражения, состоящие в основном из матерных слов, но все-таки, так сказать, второго эшелона сложности: слишком много женщин и детей повысовывалось отовсюду, и ему не с руки было распалиться на всю катушку. Центральной

частью его выступления было обещание прийти вечером к родителям сопляка, разбившего заслуженному ветерану дорогие стекла и, развивая тему: «А ежели бы я ближе стоял, то и вовсе неизвестно, чем бы дело кончилось!».

Аркадий был человеком отходчивым, поэтому, выкричавшись и помахав еще немного палкой, он почувствовал себя неловко. Как-то сразу застеснялся своего затрапезного вида и скрылся в подъезде. На майку или даже рубашку – он приглядывался к байковой в клеточку – у него бы денег хватило, но привычка считать каждую копейку сделала его, человека бедного, еще и скуповатым, – да и не перед кем было красоваться. Он вернулся домой, достал пятидесятисантиметровую линейку и стал измерять размеры оконной рамы, которую решил застеклить самостоятельно. Минут через двадцать в дверь постучали. Аркадий пошел было открывать, оставив палку у кровати, от того сильнее прихрамывая, но вспомнил, что дверь на ключ не закрыл, и хрипло прокричал:

– Кого там принесло? Не заперто.

На пороге образовался мальчик. Тонкая фигурка в плотно облегающей майке с вертикальными желто-голубыми полосами, золотистые, слегка вьющиеся волосы до плеч, тонкие черты лица, прозрачная чистая кожа, глаза ясной синевы, а в них – раскаяние и желание все исправить.

– Это я разбил окно, случайно. Произошла ошибка в расчетах, и я пришел к вам попросить прощения.

Так он начал и протянул руку с раскрытой ладонью, на которой лежала смятая трехрублевая бумажка.

– Это на стекло. Это все, что у меня есть, но если этого не хватит, скажите, и я постараюсь достать еще.

Аркадий, несмотря на поврежденную ногу, человеком был не слабым, в гневе производил весьма устрашающий вид – и не без оснований. Его палка с гнутой ручкой прошла по спинам немалого количества местных бродяг. И вдруг этот мальчик, эти его три рубля, его решимость прийти к незнакомому, недружелюбному и даже опасному человеку... Все это очень удивило Нестеренко. Но более всего поразило сходство мальчишки с тем мальчиком из телевизора...

В его однокомнатном убежище среди неровных стен, оклеенных дешевыми обоями, было две приличных вещи: цветной телевизор и настенные часы с боем. Часы – военный трофей, от которого он не смог отказаться и который ему в госпиталь принесли фронтовые друзья, на память от уцелевшей в последних боях obsługi их гаубичной батареи.

А телевизор... Тут он не поскупился. Телевизор был его единственным безотказным собеседником, тем, перед кем можно было сбросить привычную маску, панцирь, броню повседневного противостояния с окружающим его миром. Это техническое устройство – единственное существо, которое видело Аркадия Нестеренко улыбающимся, хохочущим, плачущим, живым человеком. Новенький «Рубин Ц-266Д» стоял на почетном месте в отведенном под спальню углу. Те, кто знал Нестеренко, немало были бы удивлены его осведомленностью в программах телепередач и не поверили бы в то, что особенно он любит смотреть фильмы про детей. И вот на пороге стоит мальчик, будто материализовавшийся из только что просмотренного фильма «Волшебный голос Джельсомино». Так его Аркадий и воспринял, так и называл впоследствии – Джельсомино. И в этот первый момент, еще не решив отказаться от выражения свирепости на лице, он не совладал с густыми, не поседевшими, в отличие от почти полностью побелевших волос на голове, бровями. Брови Аркадия внимательному наблюдателю, физиогномисту, часто подсказывали: перед ним вовсе не мрачный сухарь, а человек с более сложным устройством души, способный к чувствам, принятым называться тонкими. И двенадцатилетний мальчик сумел оценить это движение черных полосок над строгим взглядом темных глаз, виновато изогнувшихся, сделавших почти смешными черты нахмуренного лица пожилого мужчины.

Так они познакомились. Нестеренко взял трехрублевую бумажку, развернулся с ней, неловко ища место куда бы ее положить, словно она жгла ему руку, и, так и не решив куда, повернулся к Илье и неожиданно для себя севшим голосом произнес:

– Может, чаю?

Надо сказать, что чай в его доме смело можно было назвать третьей приличной вещью: только отборный, индийский, крепко заваренный. Поэтому и предложение отведать хорошего чая отчасти было желанием показать этому рыжеволосому мальчику, что Аркадий Нестеренко – человек, заслуживающий внимания.

– Чай? С удовольствием!

Илюшка вовсе не ожидал такого поворота и с ходу согласился, с облегчением осозная, что опасность встречи этого дяденьки с родителями миновала.

Аркадий, поражаясь самому себе, пыхтел у кухонного столика, заливая кипятком заварку, приготовленную еще утром и, поставив перед Ильей чашку, наполненную до краев темным ароматным чаем, полез в стенной шкафчик за баранками.

Баранки были единственным, что Аркадий позволял себе приносить из пекарни домой. Он работал хлебопеком, простаивая долгие часы у раскаленной печи с короткими перерывами на обед и десятиминутными перекурами. Обед состоял из тех же баранок или свежего хлеба с молоком. Запах ванили (ванилина при замесе теста для мягких вытянутых в эллипс баранок не жалели), который многие после нескольких месяцев такой кормежки на переносили, его не волновал. Он съедал порцию сдобы, запивая ее молоком, и выходил на крыльцо выкурить свою папиросу. Он тянул в себя горький дым едкого табака и повторял порой сквозь зубы свою мантру безысходности: «Дотерплю». Его не беспокоили, знали: разговор не поддержит. Начальство Нестеренко ценило, мало кто был способен долго удержаться на этой работе у адского огня. Те, кто действительно работал многие годы, занимались снабжением, занимались приготовлением теста и упаковкой. Этот народец не прочь был поживиться, чем бог послал, в этом небогатом выборе хлебобулочных ингредиентов. Тащили помаленьку масло, дрожжи, сахар, муку, масло. Иногда возникали конфликты, особенно накануне праздников: воровали все одновременно и, сделав акцент на каком-нибудь одном продукте – на масле или муке, ставили на грань срыва выпуск плановой продукции. Но в конце концов все заканчивалось миром. Заведующая, шестидесятилетняя Валентина Степашина, несмотря на свою subtilность, удивительную при обилии продуктов, употребление которых ощутимо проявилось на фигурах всей остальной женской части коллектива, умела поставить команду на место. Нестеренко выступал фоном ее поддержки. Никогда не вмешиваясь в эту мышиную возню, он служил авторитетом, человеком нейтральным к этим манипуляциям, не осуждавшим, но и не принимавшим в них участия.

А баранки, небольшой кулек, он брал домой: их разрешалось употреблять на обед, и он считал, что некоторое их количество он заслужил сверх того, что съедал с поллитровой бутылкой молока.

Аркадий смотрел, с каким аппетитом ест эти баранки Илюшка, прихлебывая чай, в который Нестеренко положил четыре куска сахара. Ему было вкусно. Аркадий, наблюдая за мальчиком, подумал о том, что он сам уже давно не испытывал удовольствия от еды, механически пережевывая то, что он про себя называл не едой, а кормом. Ел только из необходимости поддерживать физическую жизнь – дотерпеть.

– А знаешь, как мы на фронте... – он начал эту фразу, оторопев от неожиданности произнесенного. За все послевоенные годы он по пальцам мог пересчитать случаи, когда он с кем-нибудь в разговоре упоминал войну, ту свою жизнь, не похожую хоть сколько-нибудь на эту, пропахшую ванилью, пустую, никчемную, серую. Он прокашлялся, схватился за смятую пачку с несколькими оставшимися беломоринами, но закуривать не стал, пересилил себя и повторил: – А знаешь, как мы на фронте хлеб пекли? – и рассказал про то, как дырявили штыками мешки с мукой, не надеясь, что подвода с этими мешками достанется их батарее, а еще про

то, как вкусно получался кулеш с просяной кашей и зайчатиной, добытой в попавшемся по дороге лесочке, и затормозил он свой рассказ так, словно остановил на всем ходу полуторку с прицепленной к ней пушкой у крутого речного обрыва, услышав недоуменное:

– А вы что, воевали?

Нестеренко покраснел, тяжело поднялся, достал-таки папиросу и отошел в дальний угол к шкафу, там закурил и, разогнав широкой ладонью дым, ответил:

– Всю войну прошел, – и, глядя в распахнутые глаза мальчика, почему-то добавил, словно отчитываясь перед начальством: – И награды имеются.

– А можно посмотреть?

Илья аккуратно положил на тарелку половинку недоеденной баранки и вытер салфеткой руки. Аркадий открыл шкаф и достал с верхней полки большую плоскую коробку, обтянутую коричневым дерматином. Он отнес ее к столу и, подцепив ногтем латунную защелку, открыл. Коробка внутри была выложена голубым бархатом, и на этом голубом поле, тускло поблескивая, рядами лежали ордена и медали. Аркадий смотрел на раскрывшего в изумлении рот Джельсомино, и его грудь заполнила сладкая патока восторга. Он чувствовал, что еще мгновение – и глаза наполнятся слезой. Этого Нестеренко допустить не мог и, крепко затянувшись уже подошедшей к мундштуку раскаленной табачной гарью, изо всех сил постаравшись успокоить голос, произнес:

– Вот, набралось за четыре года.

Два Ордена Красного Знамени, Ордена Славы второй и третьей степени, два Ордена Красной Звезды и медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и «За освобождение Праги».

Он потом расскажет о том, за что, когда и где он получал эти покрытые разноцветной эмалью тяжелые, ювелирно выполненные, знаки. Но в этот раз оба молчали, пока Илюшка перебирал ордена, увесистые, словно золотые монеты медали, проводя тонкими пальцами по краям этих таинственных свидетелей далеких, страшных лет войны. Он станет приходить к Нестеренко, не часто, иногда, по выходным. У них всегда будет находиться тема для разговора, у двух совершенно разных, непохожих друг на друга и оттого, наверное, так друг другу интересных людей.

С того дня Аркадий держал дома обязательный запас свежих баранок.

Если Илюшки долго не было, старые он раздавал соседям и приносил новые, горячие, и дожидался, пока их, к их обоюдному удовольствию, с крепко заваренным чаем не съест его гость.

Барак, в котором приключилась вся эта история, вскоре снесли, а по тому месту, на котором он стоял, выстроилась многополосная магистраль. Нестеренко получил в соседнем микрорайоне однокомнатную квартиру в новом доме. Илья с родителями переехали в центр города, в большую красивую квартиру в отреставрированном доме старинной постройки, и на какое-то время они потеряли друг друга из виду. Но однажды...

Илюшке сообщили, что у входа в учебный корпус Рижского института гражданской авиации, куда он поступил без экзаменов, как ученик подшефной этому институту школы, которую он закончил на год раньше, экстерном, его ждет какой-то господин. Господином в светло сером костюме-тройке, с тростью с серебряным набалдашником, оказался его старый друг Аркадий Нестеренко.

– Глазам своим не верю!

Илья, во-первых, не сразу сообразил, что этот шикарный тип – тот самый Нестеренко, который запомнился ему в майке неопределенного цвета, с палкой, названием которой было «клюка», и поэтому более всего его удивила дорогая элегантная трость. Они обнялись, и Аркадий пригласил его в машину. Илья в изумлении уставился на серую, в цвет костюма,

«Ауди-100» – «сигару», такие только появились на рижском автомобильном рынке. Машина была не новая, но в отличном состоянии.

Нестеренко подъехал к ресторану «Русский» и там, за чаем с пирожками, рассказал о том, что жизнь его изменилась коренным образом. Однажды он зашел в магазин одежды, решил: раз новая квартира, надо и приодеться, купить, наконец, костюм! – и познакомился там с заведующей, симпатичной веселой женщиной: «Не молодуха, но такая, понимаешь, с ямочками на щеках и горячая, – Аркадий смутился, – не оторвешься!». Ну и она его, как говорится, отмыла во всех смыслах.

Он покрутил в воздухе сигаретой, описывая, видимо, многообразие этих смыслов. Не папироса с зажеванным мундштуком, «Сигарета!» – отметил Илья. Все переменялось в этом человеке, просто сказка какая-то.

– Она тебя что, в живой воде искупала?

– Что-то вроде этого. Купили свой магазинчик и цех небольшой. Я ведь мастер хлеб печь, а она – бизнесменка. Так у нас теперь свой хлебобулочный бизнес, и дела идут с каждым днем все лучше. Илья, я точно знаю, что началось у меня все с твоего прихода в мою лачугу. Жаль, что поздновато, лет мне уже много... Чуть бы раньше ты стекло мое в бараке разбил.

Илья рассмеялся:

– Из коляски, что ли?

– По рюмочке бы, да не могу – за рулем, – посетовал Нестеренко. И это «за рулем» особенно остро кольнуло Илюшку. Можно ли было представить себе подобное пять лет назад? «За рулем»!

Они попрощались на этот раз навсегда. Илья уехал в Израиль, переписывались поздравительными открытками на праздники и дни рождения, а через три года жена Нестеренко сообщила, что он умер, не выдержало сердце.

«“Дотерпел”, но все-таки, – подумал Илья, – дотерпел до жизни, из которой ушел с достоинством».

– И в чем же суть сей сказки?

Саша задал вопрос, рассматривая догорающий костер через зеленоватое стекло стакана.

– Я совершенно по-другому стал относиться к людям, ко всем. Я словно научился видеть второе дно, вторую кожу, тонкую под толстой, поверхностной, научился глубже вникать в душевный строй своих собеседников, знакомых, друзей. Эта история изменила меня. Не случись той ошибки в расчетах, я бы был другим человеком. И тот мужик, Аркадий... Его жизнь и вовсе на другой уровень перешла!

Представьте себе, что мы создаем такую реальность – виртуальную, разумеется, реальность, – которая ставит человека перед возможностью пойти по неожиданно открывшемуся пути, перед случайностью, непредсказуемостью поворота событий в его жизни, и он может решить попробовать прожить при таком выборе какой-то иной отрезок жизни, отличной от его собственной! Он почувствует, на какие поступки был бы готов, как оценил бы то, что совершает он сам и те, с кем его столкнет эта виртуальность.

– Проверка на вшивость, – приземлил оратора Дима.

– Можно и так сказать, проверка самого себя.

Проговорили до самого утра. Нигилизм молодых умов старался разнести на атомы фантастическую идею их товарища. Но когда после короткого сна все вновь набились в негодующе постанывающий рессорами «Жучок», как-то примолкли и большую часть обратного пути провели в задумчивой тишине.

0x0002

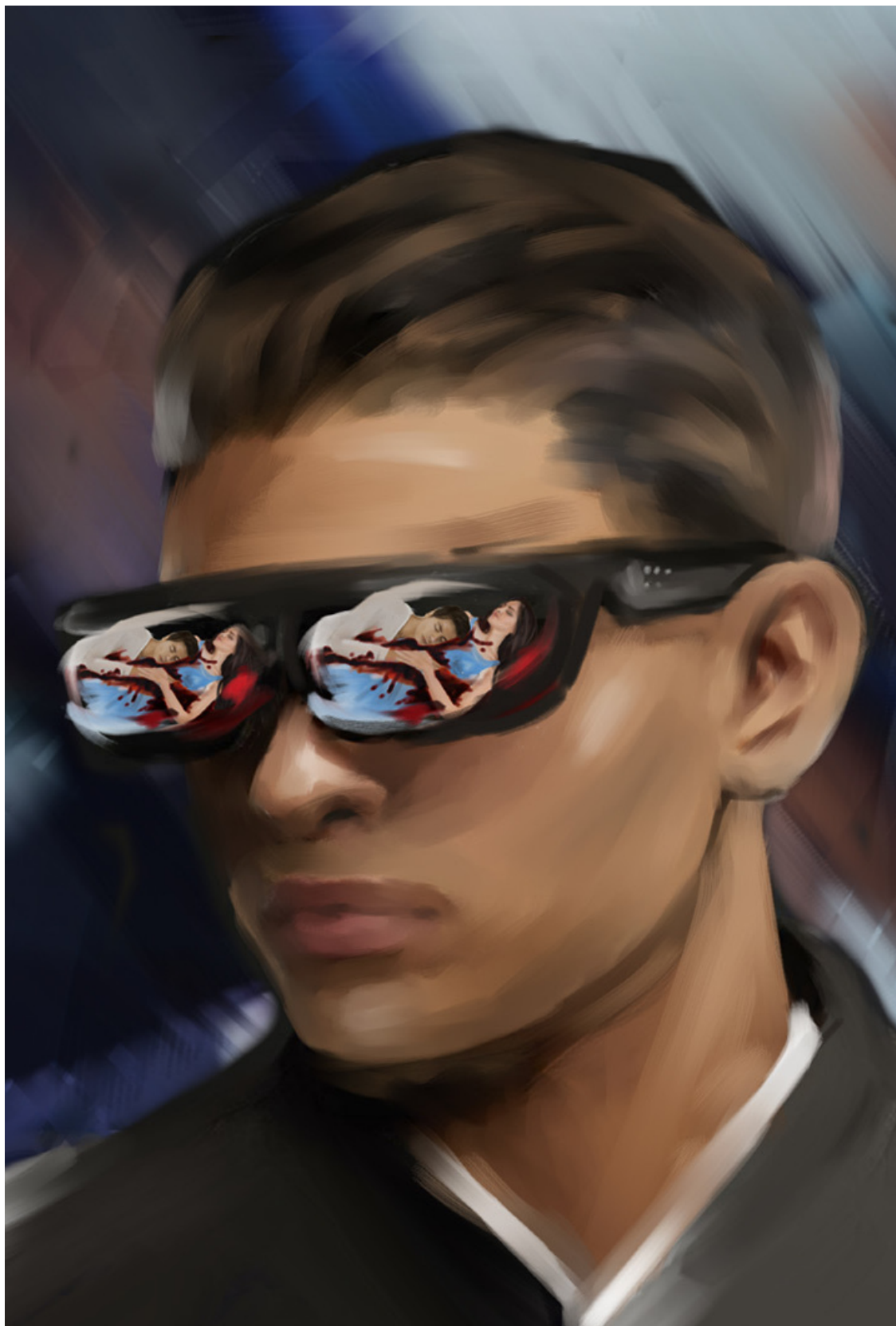
Они вернулись к этой идее «перекрестков» через пятнадцать лет.

– Слишком много крови.

Илья скептически рассматривал ужасающую картину, проецирующуюся на его дорогие очки «ODG». Лежат, как Ромео и Джульетта. Тоненькая черноволосая девушка и парень, уткнувшийся лицом в ее грудь. Руки сплетены в последнем порыве не расставаться навек. Ее голубое платье и его костюм тонкой белой шерсти пропитаны кровью. В крови, покинувшей их тела, они лежат, словно в колыбели, успокоенные лучшим снотворным в истории жизни людей – смертью.

– Отчего же? В самый раз. В человеческом организме находится около пяти литров крови. У двоих, если мы произведем простое арифметическое действие, около десяти литров, а это целое ведро. Вот вылей на асфальт ведро воды и увидишь, эффект будет такой же, только усиленный цветом алой крови.

Последние слова Смолкин произнес, зловеще ухмыляясь, изобразив пантомимой замахивающегося ножом злодея. Илья наблюдал за ним, освободившись от закрывающих половину лица очков.

Смолкин в такой роли выглядел вполне комично в коротком черном сюртучке и светло-голубых джинсах. Он никогда не умел правильно одеваться. Илья трепетно относился к гардеробу и замечал, как широкий пиджак не гармонирует с узкими джинсами. Короткая косичка и неровно подстриженные усы дополняли облик его лучшего друга.

Они стояли в подворотне дома номер № 0X7 на Фаррингдон-стрит в Лондоне. Вымощенный плиткой проезд был тускло освещен двумя плафонами, укрепленными на арочном перекрытии подворотни. Они приходили сюда третью ночь подряд, оттачивая картинку, проецирующуюся на очки и дисплей планшета, который держал в руках Смолкин. Если не считать, как показалось Илье, чересчур обильного наплыва крови, в остальном можно было констатировать, что сцена центрального эпизода их игровой программы удалась.

Они шли по ночному городу, и Смолкин рассказывал о своей канадской жизни, что-то о новом кафе возле их дома, куда ему с женой и сыном нравилось ходить по выходным. А Илью не оставляло странное чувство, которое он испытал, увидев эту сцену гибели героев придуманной ими истории и услышав, как обыденно об этом говорил его друг. Наверное, он специально выбрал такой тон, снижал адреналин. Они оба понимали, что их трехлетняя напряженная работа превратилась из виртуальных туманных мечтаний в реальность, в «виртуальную реальность». Пусть это выглядит тавтологией, но так и выходит: из виртуального тумана в виртуальную реальность. Смолкин, черт его бери, не умеет подбирать цвета, сочетать детали одежды, но разве это имеет значение при его золотой голове? Илья рассмеялся:

– Смолкин, я тебе подарю кепку золотого цвета! Этот цвет подходит к любому другому.

Илья не мог забыть фотографию, которую после окончания Второй ливанской войны он выпросил у Смолкина на вечеринке по поводу его возвращения с фронта.

В 2006 году Смолкин был призван в действующую армию и отвечал за ремонт бронетехники в одном из полков вошедшей в Ливан израильской армии. На этой фотографии он сидел на «Меркаве», подбитом российским «корнетом» танке. Чумазый, в измазанной маслом и солидолом технарской форме, с неизменной косичкой, торчащей из-под каски, он выглядел невозмутимым, несмотря на то, что огонь со стороны Хезболлы не прекращался. Как объяснил Смолкин, это был тот случай, когда бешенство нивелирует страх и в результате воспринимается как невозмутимость. Смолкин любил порядок, а в снабжении израильской армии в той злополучной войне порядка не было. Тот танк, на котором он сидел, должны были вытянуть с поля боя тягачом или другим танком. Они должны были сопровождаться прикрытием – еще одной или двумя боевыми машинами. Но у командования тыла не было согласованности, поэтому ждать замены вышедших из строя приборов топливной системы пришлось так долго. В конце концов Саша ползком добрался до заведовавшего складом запчастей старшины и получил от кондового служаки невероятное предложение:

– Ты, ефрейтор Смолкин, сначала принеси мне неисправное оборудование, а после этого я тебе выдам исправное.

И Смолкину пришлось еще дважды преодолевать ползком почти полтора километра от укрепленного района до застывшего в поле танка, пока он не привел его в порядок. Так что, только благодаря некоторому затишью на этом участке фронта, танк, превосходная мишень для противника, не подвергся окончательному уничтожению, а Сашка Смолкин остался цел и невредим.

– Смолкин, да ты герой! Просто израильский Чин-гачгук! Вылитый Гойко Митич! У тебя лицо на этой фотографии имеет те же черты невозмутимого мужества!

Смолкин не сильно отбивался от восхищенных Илюшкиных слов. Он видел, что его друг на самом деле впечатлен этим снимком, хоть тот и пытался придать своим словам шуточный тон.

– Слушай, я реально дико возмущался тем бардаком, который на той войне царил у нас в Цахале. Не мог себе такого представить, ну и переругался там со всеми в штабе. Так что, как только стало ясно, что кампания заканчивается, меня первого отправили домой. Но в те дни я насмотрелся всякого, и, знаешь, такая порой философия накатывает о бренности наших жалких телес – небольшого количества плоти, воды и костей... И как кровь из человека уходит, я тоже видел. Что это такое вообще, наши физические сущности? Мы все время болеем, лечим

себя всякой химией, находим всякого рода подпорки дряхлеющим организмам, цепляемся за жизнь, бросая курить, делая операции, вставляя протезы. Я как-то на войне все это – нашу уязвимость, незащищенность – по-особому прочувствовал, когда видел ребят, уничтоженных в один миг. Что творится с человечеством? Это ведь какая-то фантазмагория! Ведь мы все, по сути, движемся в течение семидесяти-восемидесяти лет своей жизни к обрыву – и валимся туда, в пропасть небытия, все, каждую минуту, секунду, как бараны на убой, без какой-либо надежды на иной исход. Кто-то напихал в себя лекарств, кому-то удачно удалили опухоль, кто-то упорно занимался физкультурой и оказался на краю чуть позже; вся разница в пару лет – все летят в пропасть. Так нам этого мало, надо поторопить друг друга шрапнелью. На войне этот бег к обрыву выглядит еще нагляднее, особенно если абстрагироваться от всех этих штампов, от обозначения находящихся друг против друга противников шевронами разной формы, цветом их камуфляжа и манерой отдавать честь, то всю картину поля боя можно представить для обеих сторон, как простое физическое пронизывание человеческих тел различного рода твердыми предметами: пулей, осколком, всем, что разлетается после взрыва снаряда. В общем, картинка наша с этими симпатичными трупами, плавающими в собственной крови, достоверна на сто процентов. Это я тебе как специалист говорю!

Илья смотрел на своего друга в недоумении:

– Ты всю эту речугу толкал только для того, чтобы убедить меня в том, что картинка приличной получилась?

– Да нет, накатило что-то... Значит, здорово мы это сегодня устроили. Задело меня... Я типа на себе эксперимент провел, я ведь вроде закаленный в тяжелых танковых сражениях боец, а видишь, как меня торкнуло. – И Смолкин улыбнулся: – Круто мы замутили. Серьезное дело вырисовывается.

0x0003

Замутили они три года назад. Встретились вшестером в Израиле, на Голанах в арендованном на неделю циммере – среди цветущих, одуряюще пахнущих бело-розовых миндальных рощ. Собрались по поводу годовщины окончания университета.

– Ребята, скучно жить стало. У меня кризис беловоротничкового среднего возраста, – жаловался Смолкин.

– Бойцовский клуб! – И Даник продемонстрировал взмахом руки, сжатой в кулак, альтернативу Сашкиной «скучной жизни»: двухэтажный дом в тихом районе Торонто, ребенок в престижной школе, жена – программист, как и он, – упакованы по полной. – Пойди в какой-нибудь подвал с рингом и толпой орущих мудаков, которым благополучие на яйца давит, там тебе набьют морду, и ты будешь кайфовать каждый раз, когда Танька в твоём двухэтажном особняке в скучной тиши торонтского рая будет менять тебе на открытой кровоточащей ране повязку с лебедой и подорожником, пока твой замечательный сынишка в сопровождении гувернантки не вернулся из скучной школы для вундеркиндов.

– Где ты видел лебеду в Канаде?

Смолкин, видимо, всерьез принял совет американца. Даник уже десять лет жил в Нью-Йорке и своей жизнью был доволен. Та же степень устроенности, жена, в тон его имени – Дана, – двое детей, свой дом в предместье.

– Да ладно, Даник! Мы все тут начинаем лысеть, жиреть и вянуть! Помните, как мы по шесть-восемь человек заползали в «Жучок» к Шведскому? Теперь с нашими объемами... – он похлопал себя по явно обозначившемуся животику.

– Только в микроавтобус, – дополнил его Игорь.

– А в этом что-то было, – Смолкин мечтательно продолжил, протянув фразу и притормозив набирающий обороты диалог. – Меня в той Ильюшкиной машинке пару раз так к Таньке прижимало, что я от нее до сих пор отлипнуть не могу.

Все заулыбались:

– То-то вы еще до окончания университета двоих карапузов наприжимали!

– И все-таки, – Смолкин вернулся к серьезу. – Надо встряхнуться! Давайте соберем в кучку наши замечательные мозги и напомним миру, кто такие выпускники лучшего в мире...

– Все, все, кончай! «Лучшего в мире»! Одного из лучших, – Сергей лукаво улыбнулся, погладив Смолкина по проволоке черных волос. Закуривая, подошел к шестому участнику вечеринки. – Молчишь, Скрудж? Мы все из-за тебя испытываем комплекс неполноценности.

«Скрудж», Дима Гальперин, жутко разбогател в последние несколько лет. Два успешных игровых проекта, неожиданно для него самого, принесли миллионы североамериканских долларов, и он пока еще не решил, какое место в социальном ранжире является для него комфортным, особенно во взаимоотношениях с друзьями юности.

– Ребята! Бабло валится на меня уже неконтролируемо. Мои стрелялки достаточно примитивны и многим другим уступают в качестве контента, но, видимо, полно идиотов, которым то, что попроще, как раз легло на интеллект. В общем, повезло. Но чего вы от меня ждете? Хотите, чтобы я пальцы веером развел или, наоборот, бедным деньги на Виа Долороза раздавал?

И все посмотрели на Илью.

– Шведский, твое молчание таит в себе неизведанное.

Игорь сделал глоток своего фирменного «негуса» и поднял бокал:

– Помнишь, как тогда, в «Лифте», под подогретый на костерке мой «сиропчик», ты нам про перекрестки заливал?

Илья встал, ему подали наполненную «сиропчиком» кружку, и все пятеро шутливо изображали повышенное внимание, предполагая услышать что-нибудь из запасов саркастического илюшкиного юмора, но Илья молчал. Он переводил взгляд с одного из окружавших его молодых мужчин на другого, сохраняя на своем лице абсолютную серьезность, и этот его взгляд постепенно сменил шутливое выражение их физиономий на растерянное ожидание чего-то необычного.

– Игра начинается так: вы стоите на городской улице, перед вами вывеска «Библиотека», и стрелка приглашает вас туда войти. Приветливая девушка спрашивает: «Что вы хотели бы почитать? В нашей библиотеке вы можете выбрать только один литературный жанр – детективный».

Вы соглашаетесь выбрать то, что вам предложит очаровательная сотрудница. Девушка просит заполнить анкету. Обычные вопросы: дата и место рождения, где учились, кем служили, ваши увлечения, какую музыку и какие кинофильмы вы любите. После того, как вы заполнили последнюю строку, на полке, в тесном ряду книг, на корешке одной из них, загорается ваше имя. Милая девушка достает ее с полки и протягивает вам. Остается эту книгу раскрыть.

Всеобщее молчание прервал стук в дверь. В этом циммере не было звонка – стучать надо было прикрученной к дощатой двери подковкой. Стук повторился, и после этого все будто выдохнули. Смолкин, поперхнувшись, громко проглотил слюну:

– Это, наверное, кто-то из той библиотечной книжки стучится, пойду открою... Или нет... – он притормозил и обернулся к Сергею: – Давай вместе.

На пороге стоял водитель Гальперина, и тот, выслушав шепот близко подошедшего парня, всплеснул руками, обернувшись к собратям по университету:

– Ленка в аэропорту! Прилетела, не предупредив, – и, скривившись в притворном неудовольствии, добавил: – проверять.

Водитель усмехнулся. Все помахали миллионеру, прощаясь, выражая на лицах полное понимание и сочувствие неожиданному известию «жена, без предупреждения, в аэропорту». Ну, все-таки, не в дверь спальни постучала, не катастрофа.

– Как же! Она его проверять собралась! Это ему покоя нет... Хотя такую проверь-распроверь! Да, видно, Димка смирился, бесполезно.

Игорь выдал это, затянувшись сигаретой, после того, как за Гальпериним закрылась дверь. Все помолчали. Все были знакомы с Еленой Вагнер, москвичкой, девушкой, от которой в радиусе досягаемости ее взгляда пространство искривлялось, засасывая мужскую половину человечества в воронку ее космического притяжения.

Дима представил ее сообществу два года назад: «русская красавица», стройные бедра, тонкая талия, высокие скулы, четко очерченные губы, никакого ботокса, натуральная, налитая молодым соком красота и глаза – они смотрят только на вас, пусть секунду, долю секунды, но эта девчонка умела создать иллюзию повышенного интереса у каждого, обратившего на нее внимание. А внимание на эту девочку обращали все мужчины, которые встречались на ее пути. В ней не было никакого кокетства, она вела себя, как равный участник вечеринки, если это была вечеринка; первая кидалась помочь хозяйке, откликнулась на любое предложение обсудить то, что ей было знакомо, могла показать упражнения для спины сутулым рабам компьютерного общения, не смущаясь восторженных взглядов мужиков и ревнивого шепотка их подруг. И эта ее манера вести себя так, будто она ничем не отличается от остальных женщин, которые всегда на ее фоне выглядели бледно, добавляли ей того необыкновенного очарования, при котором она казалась очень близкой и очень доступной. Шажок, полшажка – и она заинтересуется тобой, положит свою нежную ладошку тебе на плечо, и ты уже готов ощутить ее дыхание на своей щеке, готов притянуть ее за тонкую талию, такую неожиданно податливую, почувствовать каждой своей клеточкой жар ее горячего, облаченного во что-то прозрачное, не скрывающее манящих изгибов, тела.

– Отрава-баба! – подытожил Игорь.

Все присутствовавшие провели какое-то время под гипнотическим влиянием этой молодой женщины, и всем быстро стало понятно, что эти полшага отделяют каждого из претендентов от бетонной стены, за которой от обворожительной непосредственности и простодушия не оставалось ничего. Железная хватка и энергия, направленная на достижение целей, поставленных перед собой этой двадцатипятилетней девушкой, ощущались уже после нескольких дней знакомства. Гальперин был ее целью и находился под полным ее влиянием, хоть и пытался как-то это скрыть, представляя свои с ней отношения как покровительственно-отеческие. Он был старше своей жены на двенадцать лет.

– Ну что же? Для одного из нас, – продолжил Беллер, – выбор пути на этом – как у тебя там, Илья? – перекрестке состоялся.

– Судьба решила правильно, так и должно было случиться! Нас пятеро, и этого достаточно. Скрудж занят своим бизнесом и прекрасной Еленой, и, я думаю, он несколько подрастерял квалификацию, а мы, – и Илья очертил рукой круг, замыкая в нем присутствующих, – в самом боевом и, надеюсь, мотивированном состоянии.

– Мотивация – это что? Деньги? – Саша вопросительно посмотрел на стоящего перед ними Козна.

– Деньги как инструмент. Я так на это смотрю. Деньги открывают двери ко многим возможностям.

– Звучит банально, – Игорь пренебрежительно усмехнулся, – миллионы уже не модно, миллиарды – моветон, а на приличную жизнь мы тут и так все прекрасно зарабатываем.

– Илья имеет в виду благотворительность, – вступился за друга Смолкин.

– Так, стоп! – Илья, словно судья на футбольном матче, поднял руку.

– Во-первых, мы займемся тем, что будет чертовски интересно. Азарт созидания. Игорь, это для тебя не стимул? Во-вторых, деньги еще надо заработать, а до этого еще так далеко, что это не должно волновать твою бессеребряную душу. А в-третьих, вы все на этот момент можете выбрать совсем другую дорогу – мы ведь на перекрестке.

На этот раз обе руки поднял Игорь:

– Все-все, я весь внимание! Мы все внимание, – он поймал глазами одобрительные кивки Даника и Сергея.

– Итак, игра! – Илья наклонил голову, словно собираясь нырнуть, и начал: – Я уже рассказывал вам прежде о том, что было бы интересно создать такой виртуальный мир, в котором человек мог бы попробовать пройти по другой дороге, отличной от его жизненного пути. То есть, наша задача – привести его на перекресток и предложить выбор, может быть, осуществить какую-то его мечту, осуществить потаенное, проверить себя в таких ситуациях, которые абсолютно недоступны в реальной жизни. Это, конечно, очень сложная не только в техническом, но и в психологическом и даже в юридическом смысле, задача. Поэтому, все-таки, – игра! По крайней мере, на начальном этапе. Но игра должна быть такой, которой на сегодняшний день пока не существует. В ней должен присутствовать элемент выбора своего предназначения, она должна быть отчаянно азартной, и в процессе игры должны достигаться несуществующие в сегодняшнем игровом контенте ощущения с помощью, разумеется, позволяющих этого достигнуть технологий.

– Круто ты замесил, – Даник в нетерпении потер ладони. – Уже интересно. Библиотека, детективы...

– Да, детективы. Завернем нашу идею в эту обертку. В игре участвует две стороны: преступник и следователь. Тот, кто выбирает роль преступника, разрабатывает свою версию преступления и осуществляет его. Следователь получает информацию о совершенном или готовящемся преступлении и пытается раскрыть его или предотвратить. Программа, имея первичные сведения об игроках, готовит им несколько версий-сценариев, и они, выбирая их, попадают

в мир новых эмоций, моральных выборов, переоценок многих собственных жизненных установок.

– А где фишка? В чем, кроме самой идеи, инновации? Откуда взяться ощущениям?

– Сейчас, Шевинский, все впереди. Мы создадим абсолютно реальную картинку: улицы, дома, люди, сегодняшний мир, прошлое, любая географическая точка. Можно будет играть, сидя у экрана компьютера, но совершенно иной уровень – это реальные передвижения по местам, запрограммированным в разных версиях их состязания. Это может быть Лондон XIX века или Рим времени распада Империи. Вся картинка – проекция программы на прозрачных экранах, в шлеме или в очках. Одновременно ты видишь реальную жизнь – улицу, дом, парк – и виртуальную, ту, где ты совершаешь или раскрываешь преступления, которые происходят в этих самых местах, кварталах сегодняшнего Рима или Лондона.

– Ты чего-то такого намутил, у меня голова закружилась, – Смолкин изумленно взирал на оратора. – Ты как себе представляешь Лондон XIX века? Мы где тебе нарисуем все эти экипажи с дамами в кринолинах? Это сколько должно работать художников, программистов и уборщиц? Потому что надо будет засадить программистским народом десять этажей, и на каждый этаж – по две уборщицы.

– погоди, Сережа! Что ты со своими уборщицами! Ты, Илюха, объясни, что за фантазмагория? Что за грандиозус фантастикус? – Саша налил в свой стакан вина, Илья протянул свой бокал и предложил налить всем.

– Не надо десять этажей. Один офис для того, чтобы разместить оборудование... и пять рабочих мест. Все модели, все дома, мостовые, лошадей, рыцарей и дам в кринолинах высосет или сгенерирует наша программа, к которой я разработал движок, из всего информационного поля интернета, из всех его потаенных уголков. Осталось купить оборудование, доработать некоторые детали – и мы получим «википедию» 3D-моделей на все времена и на всю географию нашего голубого шарика.

Илья дал время друзьям побыть наедине с их мыслями в прострации и недоумении и продолжил:

– Программа будет реагировать на написанное или произнесенное слово 3D моделями или сценами – от простого стандарта до утонченного и расцвеченного. Скажем, вы пишете слово «комната», и первой появится картинка четырехугольной комнаты: стены, потолок и пол, а затем – окна, цвет стен, двери, мебель и прочие тонкости до бронзового канделябра с оплывшими свечами. Мы разделим экран дисплея на две половинки: на одной будем писать текст, на другой будет возникать анимированная сцена, приобретая всю полноту наших желаний в цвете, объеме и движении.

– Охренеть! И ты все это держал в голове и только сегодня вывалил на нас эти переживания?! Как мы теперь должны лечь спать, с упаковкой «Новопассита»?

Игорь похлопал Даника по плечу:

– погоди, он ведь только начал, пусть добивает, потом про «Новопассит» подумаем.

– Нет! – Даник завелся. – Ты все-таки объясни, как такое возможно? И почему до сих пор никто такую «википедию» не создал? Должно же быть какое-то непреодолимое препятствие, нарушение прав собственности, или как там это называется! – от волнения Даник проглатывал окончания слов и не тратил время на розыски подходящих эпитетов. – Если то, что ты сейчас нам преподнес, реалистично и возможно к исполнению, – это просто чума, а ты – просто гений какой-то!

– Угомонись, – Игорь снова похлопал Шевинского по спине и, слегка надавив ему на плечи, усадил в кресло. Смолкин в задумчивости протянул:

– Ну, так! Скажем так: что-то в этом есть, но чего-то все-таки не хватает для понимания самого процесса. Как она будет цедить, фильтровать, отбирать, коллекционировать, распреде-

лять? В общем, это какое-то светопреставление! Да, главное, картинки мы вытащим, а движение? Как ты собираешься воспроизводить движение?

Илья не прерывал взбудораженную аудиторию, он прикурил сигарету от красивой зажигалки «Zippo», подаренной женой, и с удовольствием затянулся ароматным дымком. Дождавшись паузы, продолжил:

– Фишка присутствует и, если это вас успокоит и убедит в том, что все, о чем я вам говорил, работает, я объясню, в чем она состоит. Статику будем получать из всего контента, существующего в интернете. Движение – только из того, что представлено в формате игр, кино, концертов, соревнований, шоу – всего того, что живо. И это серьезная задача, несравнимая с простым коллекционированием картинок. Итак, я представил себе, что мы можем «вытянуть» из всего, что движется, модели, так их назовем, или скелеты движущихся предметов и живых существ. Это созвездие точек или треугольников, распределенных по их поверхности, которые будут сниматься программой только с тех фигур, которые будут доступны взгляду с разных сторон. Потом, после считывания координат этих точек во время движения, мы можем подвести под них любую оболочку. Ну, например, бегун пробегает свою стометровку, и под его движущиеся точки мы подведем твой, Даник, облик, и ты будешь выглядеть чемпионом олимпийских игр. Ну, приблизительно вот так это выглядит, – и Илья развернул к всеобщему просмотру монитор, стоящий на журнальном столике.

На экране Даник бежал к линии финиша под гул огромного стадиона, опередив соперников, и разорвал грудью алую ленту. Он продолжил движение, подняв в приветствии руки, демонстрируя трибунам счастливую улыбку чемпиона.

0x0004

Дмитрий Гальперин сидел на заднем сидении взятого напрокат в аэропорту Тель-Авива «Мерседеса» S-класса и анализировал появляющееся у него в последнее время чувство обеспокоенности излишеством затрат на все что угодно. Чувство, которое прежде, по крайней мере, в последние несколько лет, его не тревожило.

«Почему Ленка обязательно должна была брать эту дорогую машину? Мы в Израиле не встречаемся ни с какими распальцованными знакомыми, наоборот, мои ребята – да и вообще вся израильская публика – неприязненно относятся к выпячиванию своего высокого уровня доходов. Могла бы обойтись E-классом, или вовсе взять “Фольксваген” или “Тойоту”!»

Он размышлял на эту странную для него тему, разглядывая попеременно то пейзаж за окном, то затылок их водителя, Саши Корольченко. Красавец, каратист, исполняет по совместительству роль телохранителя – это, в основном, для Ленки. Есть серьезные подозрения, что и некоторые другие услуги этот перец оказывает его женошке. Но ревность, которая в первые месяцы их с Еленой романа выплескивалась из его разъяренного сердца раскаленной лавой, застыла толстой коркой отчаяния и безысходности.

Немалую роль в том, чтобы эту лаву остудить, сыграл его близкий друг, известный и модный в Москве психоаналитик Слава Вестминстров. Гальперин провел с ним немало воспаленных часов в мягком кожаном кресле, и его умному другу удалось убедить Диму в очень простой и циничной вещи: таких, как Елена, удержать силовыми методами, дорогими вещами или высокоморальными речами невозможно. Ветер в темнице не живет. Отпусти поводья – она попадется на просторах, набьет синяков, порежется об осоку реалий окружающего общества и вернется к комфорту отношений и материальному благополучию сама. Ну, разумеется, границы мы с тобой очертим, и, если девушка вовсе с катушек съедет, мы ее в твоей головушке просто заблокируем.

Вот это последнее обещание и стало главным успокоителем Димкиной влюбленностной шизофрении. С катушек Лена съезжать не собиралась, вела себя вполне прагматично, удивительным образом сочетая эту прагматичность с провокационностью на самой тонкой, зыбкой границе возможного. Поэтому лава под толстой серой коркой до конца никогда не остывала, но стоило этой горячей кошке прикоснуться к его щеке мягкими теплыми губами, стоило ему ощутить ее запах, запах нагретого весенним солнцем луга, какой-то такой свежести, которая никак не вязалась с коварством потаенных интриг, измен, нечестности всякого рода, – и Димка таял, как подросток от прикосновения женской груди. В такие моменты он готов был простить все, плюнуть на любые слухи, сплетни и подозрения.

– Дмитрий Семенович! Елена Владимировна ждет вас в «Хилтоне». Я ее сначала завез в отель, а потом за вами, мы сразу туда, к ней?

– Да, Саша, конечно.

«Скрудж». Дима улыбнулся. Да, ребята придумали ему такую кликуху. Он действительно богат, но в последнее время маленькое облачко неуверенности – далекое, на самом краю горизонта – нет-нет, но и проявлялось в подсознании. И вот эта промелькнувшая мысль – аренда дорогой машины – она оттуда, из этого облачка.

– Димочка! А почему мы должны летать в Лондон на этих раздолбанных аэрофлотовских «боингах»? Ведь у нас есть возможность, так же, как наши соседи, завести себе «птичку», которая сделает нас независимыми от забитых пассажирами авиасалонов, рассадников всякой заразы! Я как слетаю с ними, даже на короткое расстояние, – обязательно какой-нибудь вирус подхвачу. Мне рассказывали, что частные самолеты паркуются в Домодедово, а в Лондон долетают за три с половиной часа.

Рублевский особняк стал отправной точкой для всех этих идей, проецируемых подружками из ближнего рублевского «междусобойчика» на Ленкину психику, податливую к такого рода информации.

Такие диалоги привели к приобретению легкого американского реактивного самолета «Hawker Beechcraft». Этот «легкий» самолет обошелся ему почти в пять миллионов долларов, к этому добавились расходы на его стоянку и обслуживание в Лондонском аэропорту «Биггин Хилл». Ну, а потом по трафарету: вилла в Марбелье и яхта в ближней марине. Офис и апартаменты в Лондоне он приобрел еще до того, как оказался в круге ее таких любимых, таких нежных и таких цепких рук.

Игры, приносившие поначалу миллионы, постепенно стали снижать свою доходность, нужен был новый проект, и он уже вступил в свою стартовую фазу, но вместе с тем и расходы выросли в разы. Специалисты, которые начинали с ним как энтузиасты, почти все перешли в компании с заработками, несопоставимыми с тем, что мог предложить Дмитрий. Он был вынужден, для удержания тех, без кого не мог обойтись, повышать соответствующие вознаграждения. Его ежемесячные расходы по содержанию фирмы и обслуживанию всего этого движимого и недвижимого приблизились к двум миллионам долларов, пришлось воспользоваться кредитами, и проценты прибавили к расходам значительную головную боль. И что самое тревожное – новый проект не гарантирует стопроцентного успеха, конкуренты бегут быстро, как бы не споткнуться перед финишем.

– Зря я не остался с ребятами. Ленка подождала бы, не прокисла. Почему я должен так беспрекословно подчиняться ее желаниям, да еще и узнавать о них от собственного шофера?

Раздражение усиливалось с каждой минутой, и Дмитрий чуть было не приказал развернуть машину в обратную сторону. Но притяжение Ленкиного взгляда... Гальперин, усмехнувшись, мысленно перебил себя.

Нет, это звучит красиво, конечно, – взгляда! Но все-таки сильнее всего, без промаха, били его под ложечку ее круглые коленки, тугая задница и острые соски, венчающие два холмика совершенной формы – не слишком большие, но идеальные для того, чтобы он мог зарыться в них лицом и потеряться в этом дурманящем, мягком, шелковом наслаждении. Это притяжение плоти всегда побеждало, тем более, он не видел ее целую неделю, а это было для него долгим сроком. Никуда ребята от него не денутся. Увидятся позже. Надо не упустить возможность поработать с ними. Эти умники способны придумать что-нибудь стоящее, такое, во что стоит вложиться. А это большие деньги, и в этом его перед ними преимущество. С этими успокаивающими мыслями он продолжил созерцание склонов предгорий Голанских высот.

0x0005

Вечером Илья пригласил друзей в расположенный неподалеку кибуц «Мером Голан» в ресторан «А-Бокрим». Несмотря на традиционную для ковбойского ресторана мясную стейковую направленность, он славился еще и лучшей на Голанах рыбой. Они взяли такси, решив как следует выпить под шикарную закуску. Илья любил это место, стилизованное под ковбойское ранчо с американизмами, выпивкой, которую не везде встретишь, и обстановкой расслабленности, способствующей доверительному разговору в атмосфере гула дружественного многоголосия, под неспешное кантри живого оркестра.

Он вглядывался в лица своих друзей, которые после первых тостов занялись выловленными в библейском озере Кинерет и приготовленными изощренными способами «усачами», «кинеретскими сардинками» и «рыбами Святого Петра».

Каждый из них достиг в своем деле значительного успеха: Даник в Нью-Йорке – Chief Technology Officer (CTO) – технический директор отделения «Microsoft»; Сергей – Director of Technology в Лондонском представительстве «IBM»; Игорь Беллер и вовсе Chief Scientists – главный ученый – в ведущей компании, привлекающей все передовые разработки в области научных исследований в разных отраслях медицины; Смолкин – VP R&D – директор разработки подразделения «Google» в Торонто.

Как убедить их совершить такое действие, сорваться с этих высот в рискованную неизвестность? И имеет ли он моральное право на такое убеждение? Да и ему самому, ведущему разработчику «Инстайтека», компании с мировым именем, становлению которой он посвятил почти десять лет упорного труда, решиться на такой поступок очень непросто. Не только о себе придется думать и отвечать не только за себя, но и за них, за его самых близких друзей, с которыми он прошел столько всего, придется отвечать, если они решатся шагнуть в эту виртуальность.

Гул ресторанного пространства, смешение близких разговоров друзей, музыка, шуршание танцующих пар. Вино «Маргалит», терпкое, насыщенное, они выбрали, проникшись патриотическим чувством к местному знаменитому Каберне-Совиньон. Все это на какое-то время погрузило Илью в воспоминания тех лет, когда эти ребята, сидящие с ним теперь за одним столом, разлетелись по своим новым гнездам, а он свил свое, хоть это было непросто.

Ада! Любовь с этой девочкой была горячей, как утюг, и короткой, как его шнур, и однажды шнур загорелся, не выдержав напряжения, и своим пламенем озарил печальную реальность.

Ада нервничала, и это ее состояние немедленно передалось ему. Она взяла его за руки, и он почувствовал, что ее крепкие ладошки, всегда такие уверенные и точно знавшие, как им себя вести, были влажными.

– Илюшк, миленький, ты лучший из всех мужчин, которых я знала.

Илюшке тут же резануло слух это «из всех», но не от этого ему нужно было приготовиться падать в обморок – дальше было круче.

– Но, понимаешь, – и голос Ады вернулся в его привычное повелительно-жесткое наклонение, – мне, Илюха, девки все-таки сильнее нравятся. Эти стервы, идиотки, проститу... – тут она остановилась и снова перешла на ласкательное: – Илюшечка, ну что поделаешь? Природа, блин!

Илья с трудом поднял отпавшую нижнюю челюсть. Говорить он не мог и толком не знал, что сделать: рассмеяться, выматериться или что-нибудь сломать. Рядом было только зеркало, а бить зеркало, мелькнуло рациональное среди бушующих волн адреналина, – дурная примета.

Илья пил неделю в пабе «Nest», традиционном приюте программистско-математического планктона. Пил попеременно с друзьями, не мешавшими ему прислониться к уютной судьбе

алкоголика. Но просто пить ему стало скучно. Он давно был дружен с владельцами заведения, и те, исполняя его специфические неординарные заказы на напитки, пришли к открытию такого забористого коктейля, что впоследствии он стал фишкой их паба и в меню носил имя изобретателя...

Ада укатила в Канаду на высокую должность... И заодно – жениться (или замуж выйти?) на одной из претенденток. В общем, все у нее со временем наладилось, превратилось в устойчивый брак с серьезной пышнотелой девахой, двумя детьми, рожденными попеременно обеими, собственным домом и полным материальным благополучием. Они остались добрыми друзьями, и Алла принимала ее как подружку.

Алла.

Илюшка бросил пить, осознав: «Это не мое». Полетав над веером девичьих непохожестей, не остановился ни на одной до тех пор, пока однажды тихим прохладным вечером, при возвращении в съемную квартиру в Ришоне, с ним не приключилось «видение».

Навстречу шла девушка с собачкой, белым трогательным комком со сложным названием вест-хайленд-уайт.

Девушка курила сигарету в длинном черном мундштуке. Она была расслабленно-отрешенной и на Илью, проходя мимо, никакого внимания не обратила. А он обратил. Что-то в ее лице, походке, в том, как она держала сигарету, развернуло его в обратном его движению направлении. Он курил «Ротманс» и по не заправленному до конца в мундштук фильтру узнал эту марку, довольно редкую в Израиле. Поравнявшись с незнакомкой, он не нашел ничего лучшего, как спросить:

– Девушка, сигареткой не угостите?

Первой рассмеялась она, затем, осознав нелепость ситуации, развеселился и он, и они расхохотались уже оба, когда увидели, с каким изумлением разглядывала их вест-хайленд-уайт.

Через год у них родился замечательный мальчик, а еще через пять – замечательная девочка.

Смолкин первым не выдержал и вернулся к разговору, который все старательно откладывали, понимая, что результатом двухчасовой беседы с Ильей в уютном голанском циммере должно стать какое-то важное решение – решение, способное переменить их устоявшуюся благополучную жизнь. Они пили вино и ели рыбу, скрывая все нарастающее напряжение в ожидании этого предложения, скрывая за веселостью тостов нервное возбуждение. И Смолкин, самая простодушная и нетерпеливая душа, выстрелил, словно пробка от шампанского:

– У меня голова может лопнуть от того количества идей, которые возможно раскрутить, имея такую базу для девелопинга!

Поглядев на сидящих рядом и удивившись, что его не остановили, он продолжил, все больше раззадо риваясь:

– Мы ведь для этой игры такие сюжеты накрутить можем! Представляете, например, пройдемся по страницам Жоржа Сименона или Агаты Кристи, Конан Дойля, наконец. Или, например, я хотел бы украсть «Мону Лизу» из Лувра – и у меня это получилось бы! Это сколько можно привлечь народа?

Даник вступил, дождавшись, когда Смолкин потянется за кружкой:

– Да, тут много чего разместить получится. Обучающие программы: учитель просто может провести детей или студентов по историческим местам в максимальном приближении к действительности.

– И, – добавил Игорь, – туристический бизнес! Для них это просто фантастическая находка: «А сегодня мы посетим римские бани, знаменитые термы, в компании патрициев и их подружек».

– Да, это не для школьников, – рассмеялся Даник, – это вполне для нас с вами! В этих термах римляне... – и он посмотрел в сторону двух девушек, танцевавших посреди зала под тихую музыку оркестра.

Игорь подхватил, прервав увлекшегося созерцанием Шевинского:

– Разлагались так извращенно, что и империю свою погубили.

– Ты хочешь сказать, что в эти термы полезно сводить сегодняшних патрициев для того, чтобы они не повторили ошибок прежних? – все рассмеялись.

– Там вполне хватало места, – продолжил Илья, – и простолюдинам, так что мы вполне можем побаловать себя этой роскошью. Осталась самая малость – создать компанию и заняться этой мечтой всерьез.

Звучала музыка; пока оркестр отдыхал, работала музыкальная установка. Синатра пел «My Way».

Илья достал из кармана мешочек черного бархата, и на стол высыпались четыре золотых перстня-печатки.

– Это мой подарок вам в честь юбилея университета, ну и еще за то, что выслушали мою идею, и, похоже, она вас впечатлила. На каждом перстне ваши инициалы.

Ребята разобрали печатки, примеряя на свои пальцы, с удивлением обнаружив, что размер удовлетворил всех. Но интрига была впереди, и каждый это понимал, поэтому благодарности висели у всех на устах в ожидании финала.

И вновь заговорил Смолкин:

– Шведский, не тяни kota за хвост! Выскажись, наконец, в чем твое видение наших действий.

Илья подозвал официанта, и тот поднес к их столику приготовленную заранее бутылку Pierre Croizet La Carafe XO с широким горлышком. Официант вынул притертую стеклянную пробку, и Илья бросил в коньяк свой перстень.

– Кто со мной, опустите и свои печатки в этот коньяк, и мы откроем его вновь тогда, когда будет дан старт этому делу. Если я останусь в этой бутылке благородного напитка один, я все равно этим займусь и не стану вас ни в чем упрекать: это огромная ответственность, и мне нелегко предлагать вам решиться на такой шаг. Я выйду покурить, а вы пока подумайте.

Он успел сделать только несколько затяжек до того, как на его плечо опустилась рука Сергея:

– Тебя заждались.

На дне бутылки, кроме его печатки, лежали все четыре перстня. Илья почувствовал, как по спине покатились горячие капельки пота. Он не знал, что сказать, только поднялся и, обойдя всех, крепко обнял каждого, молча, со значением. Подвел итог Смолкин:

– Все, ребята, без соплей, арбайтен, арбайтен ун дисциплин! Теперь мы должны увидеть план действий. У тебя, Шведский, он уже наверняка есть. Как там у «Алисы в стране чудес»?

Чтобы не попасть в капкан,
Чтобы в темноте не заблудиться,
Чтобы никогда с пути не сбиться,
Чтобы в нужном месте приземлиться, приводниться,
Начерти на карте план...

И все хором подхватили любимую песенку детства:

– Если даже есть талант,
Чтобы не нарушить, не расстроить,
Чтобы не разрушить, а построить,

Чтобы увеличиться, удвоить и утроить,
Нужен очень точный план.

Без соплей все же не обошлось: когда уже пришла пора расходиться, Смолкин повис на Коэне:

– Шведский! – Смолкин остановил Коэна у зеркала, в котором отразились лица всей пятерки! – Ты видел, как выглядит гений? Вот он! – и Смолкин потрепал Илью по шевелюре, – обыкновенный симпатичненький гений!

Они выкатились на улицу в прохладную галилейскую ночь и попрощались, договорившись увидеться завтра к обеду и обсудить дальнейшее уже всерьез.

0x0006

На столе лежали распечатанные листы с расчетами предварительного бизнес-плана, который Илья подготовил, еще не будучи уверенным в том, что все, кого он наметил в команду, согласятся занять в ней свои места.

Он распечатал пять экземпляров, с трудом скрывая переполнявшую его будоражащую радость. Распечатал прямо при всех, объяснив стремление увидеть свои расчеты на бумаге, а не на экранах их планшетов, банальным желанием понаблюдать, как они будут делать пометки, черкать и ставить галочки в тех местах, которые будут им непонятны или с которыми они будут не согласны.

Два дня им в циммер привозили пиццу, суши и лапшу wok. Вначале они курили, выбегая на улицу, потом, жалея время, дымовую завесу развесили внутри. Листы с исправленным и переделанным цифрами и формулировками уже трижды перепечатавали, обновляя и вновь исчерчивая цветными фломастерами. В результате осталось то, что легло в основу их деятельности на ближайшие два года: их пятеро плюс десять фрилансеров – каждый из пятерки имел таких ребят на примете – по семи направлениям:

- дизайн,
- движок,
- железо,
- последовательность комплектации моделей, упоря доченность,
- область применений,
- сюжеты игр,
- финансы.

Последний вопрос, как ни странно, прошел без споров. Все пятеро оказались состоятельными джентльменами. А надо было не много не мало отказаться от карьеры и перейти в рискованное финансовое состояние с вложением всех своих ресурсов в неизвестность. До выхода демо-версии, по расчетам, понадобится два года и два миллиона евро. С этими затратами решили справиться собственными силами, не прибегая к займам. А вот дальше цифры выстроились в такие порядки, что говорить стали все разом: двадцать пять миллионов – сумма, которую нужно найти у спонсоров.

– Мы подписались под парой миллионов, а для нас это деньги, по сравнению с серьезными корпорациями, огромные. И мы не дилетанты! Если нас эта идея захватила так, что мы, пятеро продвинутых специалистов, рискнули всем, то почему люди, которые на раскрутке проектов такого уровня собаку съели, не почувствуют то же самое?

– Игорь прав! – Саша подчеркнул следующий абзац в распечатке. – Если расчеты Шведского оправдаются хоть наполовину: первый год – триста тысяч подписчиков, второй – пятьсот тысяч, а в третий мы выйдем на один миллион, то, учитывая, что в среднем игрок тратит в год около пятидесяти долларов, мы к тому сроку все окупим и, возможно, даже заработаем.

– И ведь это только то, что касается непосредственно игры! А еще ведь доходы от рекламы, аксессуаров, тотализаторов, без которых игра в бандитов и ментов не обойдется. И мы не представляем сейчас, какие возможности в финансовом смысле могут принести обучающие программы и то, что сможет использовать туристический бизнес.

Смолкин окунул сигару в виски:

– Это что же? Мы станем мульти – или как там – миллио...

– Ты ведь раньше не курил сигар? – Илья улыбнулся. – Уже готовишься стать этим мульти...? Нужны еще белый шелковый шарф, темно-синие шляпа и костюм и белая рубашка.

– Это ты на что намекаешь? Мы ведь бизнесом решили заняться, хайтеком, а не мафиозной разработкой!

– Входи в образ, Саша! Тебе придется писать истории как раз о тех, кто курит сигары, окуная их в виски.

Игорь подвинул Смолкину пепельницу:

– Ты ведь не опустишься до шпаны из подворотни? Для описания историй попроще придется нанимать копирайтеров из Восточной Европы.

Вечер они снова провели в том же американизированном ресторане, потому что, во-первых, он был расположен ближе всего к их домику с садом, во-вторых, потому что рыба, которую там подавали, была ни с чем не сравнима, и в-третьих, они уловили в атмосфере «вестерна», которой был пропитан этот ресторан наполненный звуками негритянской музыки, в интерьере со стилизованной коновязью перед входом и широкими ковбойскими шляпами официантов, дух первичного, зародившегося на Диком Западе предпринимательства. Впрочем, после смешения разных видов алкогольных напитков дух предпринимательства проник бы в их разгоряченные головы и в какой-нибудь обыкновенной фалафельной.

– Ну, ладно, – Даник рубанул рукой, подводя итог многоречивым обсуждениям свалившихся на них впечатлений от фантастических перспектив начатого ими дела. – А в чем все-таки наша сверхцель? Мы ведь интеллектуалы, мы должны чувствовать, вкладывая наши мозги, души и сердца, что-то такое, что выше денег, славы и чего там еще?

Все рассмеялись.

– А больше ничего и нет, – Сергей поднял кружку с глинтвейном, – дальше только бог, в смысле, божественное.

– В смысле что-то благородное, ты имеешь в виду? – Смолкин ввязался в сложную тему. – Ты ведь про мораль? Вот сейчас мы начнем интеллигентские страдания: а зачем нам деньги, а давай лучше пойдем на гору и будем там на горе жить в шалаше, а Таня или Жанна, – он готов был перечислить имена жен всех присутствовавших, но сбился, забыв, как зовут следующую, – в общем, они нам будут приносить в день по чашке с рисом, и мы там одухотворимся и... Туалет все равно придется построить, и романтика с медитацией тут же улетучится. Не гадить же на гору! Я так понимаю, она типа святая должна быть.

Илья хотел погасить Сашкины попытки встать на скользкую дорожку, не дать ему увязнуть в морализациях, но Даник их назревающую пикировку перебил:

– Нет, правда, что еще, кроме вышеперечисленного, интересует нас по этой игровой теме? Илья, ты ведь имеешь пару слов, чтобы нас воодушевить?

– «Перекресток» – в этом слове весь смысл. Тот, кто в обычной жизни не решится на поступок плохой или хороший, особенно тот, кому по его натуре хочется совершить что-то ужасное, выходящее за рамки цивилизационного порядка, – он сможет это испытать и решить для себя: кто он на самом деле? И я Яуверен, подавляющее большинство таких людей, находящихся в пограничном состоянии, пережив что-то из их больших фантазий не наяву, а в этой игре, уйдут с линии опасного приближения к катастрофе.

– То есть, мы буквально начнем лечить человечество? – снова встрял Смолкин, хватая Илью за рукав.

– А почему бы и нет? В какой-то мере, в каких-то количествах. И потом, не обязательно это должен быть преступный опыт. Например, мы можем организовать серию историй по «спасению» в широком смысле. Мы знаем о многих трагедиях, в которых гибли невинные, особенно дети, и вот ты в нашей игре имеешь шанс попасть в прошлое и спасти человека, ребенка, в какой-то ужасной, трагической ситуации. Мы ведь не можем изобрести машину времени, но мы можем дать почувствовать людям то, что они могли бы испытать, спасая. Это сильные чувства, и да, Саша, человек, я в это верю, способен меняться после того, как получит возможность пережить такие эмоции.

Все притихли.

– Я не могу забыть эпизод черно-белой кинохроники, – Игорь придвинулся к столу, положил локти на край и тихо продолжил: – Там картина такая: где-то в Украине, во время войны, на краю маленького местечка немцы и полицаи сгоняют местных для отправки в лагерь или на работы в Германию, и здоровый такой детина, с белой повязкой на рукаве, отрывает маленького совсем мальчишка от обезумевшей от ужаса матери. Малыш пытается бежать за мамой, и шутман отшвыривает его сапогом, а мать бьет прикладом винтовки, заставляя присоединиться к несчастным у немецких грузовиков. Я с тобой согласен, Илюха, за шанс хоть виртуально замочить того полицая и дать матери с маленьким убежать... Да, Илюха, ты – гигант, и я с тобой в этом деле навсегда, – и Беллер уронил голову на белую скатерть.

– Все, хватит пить, уходим, – Сергей позвал официанта.

По дороге друзья немного успокоились. Игорь опустил стекло и подставил лицо свежему вечернему ветру. Небольшой бассейн возле их домика пришелся как нельзя кстати. Игорь, стараясь реабилитироваться, (в дороге выразил удовлетворение тем, что на столе не было салата, в который по традиции, мордой должны попадать такие, как он пьяницы), пошел варить кофе. Поставив на край бассейна поднос с турками, он тоже опустил в воду. В таком водно-расслабленном состоянии, наслаждаясь крепким тягучим напитком, друзья продолжили разговор.

– Так мы соучредители? – Сергей подошел к важной теме. – Коэн, ты как это видишь?

– Пять равных долей.

Все одобрительно похлопали мокрыми ладошками:

– Так пора игре и название придумать.

– Пусть будет «Перекресток», – все снова зааплодировали.

– И заметьте, не я это сказал, – Илья благодарно признал авторство названия за Игорем.

– Ну, заработаем мы сумасшедшие деньги – и что с этим делать? – никак не унимался Смолкин. – У нас ведь все есть: дома, машины, возможность путешествовать, ну и прочая, – он покрутил рукой в воздухе. – Нет, правда, яхты, самолеты и виллы, вот мне, например, нахрен не нужны, одна морока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.